

Арапов Александр Владиленович

КОНКУРЕНТЫ ГИПОТЕЗЫ ДВУХ ИСТОЧНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕКСТОЛОГИИ НОВОГО ЗАВЕТА

В данной статье обсуждаются различные гипотезы, предложенные для решения синоптической проблемы. Долгое время господствующим решением этой проблемы была гипотеза двух источников (two-source hypothesis). В наши дни многие исследователи полагают, что двухисточниковую гипотезу следует отвергнуть, и предлагают различные альтернативные гипотезы. Гипотеза Фаррера (Farrer hypothesis) утверждает приоритет Марка. Августинианская гипотеза (Augustinian hypothesis) и гипотеза двух Евангелий (two-gospel hypothesis) – приоритет Матфея. Гипотеза Иерусалимской школы (Jerusalem school hypothesis) утверждает приоритет Луки. По поводу синоптической проблемы консенсус отсутствует.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. II. С. 18-26. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Авдеенко И. А.** Концепт, символ, текст: пространство эксперимента // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. 2010. № 1-2 (1). С. 45-48.
2. **Арутюнова Н. Д.** Метафора и дискурс // Теория метафоры: сб. статей / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
3. **Блэк М.** Метафора // Теория метафоры: сб. статей / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 153-172.
4. **Иванов Н. В.** Об одном способе анализа символической структуры метафоры средствами логики // Пространства и метасферы языка: структура, дискурс, метатекст: материалы III межвузовской научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации. Военный университет, 26 июня 2009 г. С. 10-22.
5. **Лосев А. Ф.** Проблема символа и реалистическое искусство. Изд-е 2-е, испр. М.: Искусство, 1995. 320 с.
6. **Нурдаулетова Б. И.** Метафоры в когнитивном аспекте // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4.1 (4). С. 617-623.
7. **Разинкина Н. С.** Концептуальная метафора в русском языке советского периода (1917-1956 гг.) // Вестник Томского государственного университета 2011. № 344. С. 26-29.
8. **Телия В. Н.** Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173-203.
9. **Шелестюк Е. В.** О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 125-143.
10. **Шелестюк Е. В.** Символ *versus* троп: сравнительный анализ семантики // Филологические науки. 2001. № 6. С. 50-58.

SYMBOL AND METAPHOR

Avdeenko Ivan Anatol'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Amur Classical-Pedagogical State University
ivavdeenko@mail.ru

The author considers the features of symbol that distinguish it from metaphor. In the presence of the essential opposition of symbol to metaphor as sign to trope and as the result of the use these phenomena lead to the expansion of view on the nature of things. However, this expansion has different character, the character that opposes symbol to metaphor for a number of functioning parameters, and the operation of metaphor and symbol involves various thought processes under speech (metaphor), cultural and linguistic (symbol) competencies.

Key words and phrases: symbol; metaphor; competence; concept; semantics; interpretation.

УДК 801.73

Филологические науки

В данной статье обсуждаются различные гипотезы, предложенные для решения синоптической проблемы. Долгое время господствующим решением этой проблемы была гипотеза двух источников (two-source hypothesis). В наши дни многие исследователи полагают, что двухисточниковую гипотезу следует отвергнуть, и предлагают различные альтернативные гипотезы. Гипотеза Фаррера (Farrer hypothesis) утверждает приоритет Марка. Августинианская гипотеза (Augustinian hypothesis) и гипотеза двух Евангелий (two-gospel hypothesis) – приоритет Матфея. Гипотеза Иерусалимской школы (Jerusalem school hypothesis) утверждает приоритет Луки. По поводу синоптической проблемы консенсус отсутствует.

Ключевые слова и фразы: текстология Нового Завета; синоптическая проблема; гипотеза двух источников; гипотеза Фаррера; Августинианская гипотеза; гипотеза двух Евангелий; гипотеза Иерусалимской школы; Эта Линнеман.

Арапов Александр Владиленович, д. филос. н.
Финансовый университет при Правительстве РФ
arpv@mail.ru

**КОНКУРЕНТЫ ГИПОТЕЗЫ ДВУХ ИСТОЧНИКОВ
 В СОВРЕМЕННОЙ ТЕКСТОЛОГИИ НОВОГО ЗАВЕТА** ©

Ещё в 1960-х гг. подавляющее большинство библеистов рассматривало гипотезу двух источников как единственное решение синоптической проблемы. Однако в 1990-е гг. ситуация изменилась. По поводу синоптической проблемы больше нет консенсуса. Многие исследователи полагают, что двухисточниковая гипотеза должна быть отвергнута. Предлагаются различные альтернативные гипотезы. Наиболее влиятельными являются гипотеза двух Евангелий и гипотеза Фаррера. Начнем свое рассмотрение с них.

Теория Фаррера. Эта теория получила распространение среди английских библеистов. Она названа по имени предложившего ее в 1955 г. англиканского церковного деятеля, богослова и философа Остина Фаррера (1904-1968). Гипотеза Фаррера была поддержана библеистами Майклом Гулдером и Марком Гудэйкром, и поэтому её иногда называют гипотезой Фарера-Гулдера и Фаррера-Гулдера-Гудэйкра. Согласно этой теории, первым было написано Евангелие от Марка, затем Евангелие от Матфея и, наконец, Евангелие от Луки. Сторонники этой гипотезы признают приоритет Марка, но отвергают существование Q ¹. Согласно этой гипотезе, источником для Евангелия от Матфея послужило Евангелие от Марка, а Лука пользовался Евангелиями от Марка и Матфея. Преимуществом этой гипотезы является отсутствие необходимости вводить искусственные гипотетические источники. Согласно Фарреру, система аргументации сторонников двухисточниковой гипотезы полностью зависит от предположения о невозможности знакомства Луки с Евангелием от Матфея. Между тем, по его мнению, более естественным будет предположение о том, что один из Евангелистов зависел от другого, чем предположение о том, что они оба использовали неизвестный источник.

Аргументы сторонников гипотезы Фаррера можно разделить на аргументы против источника Q и аргументы в пользу возможности использования Лукой Евангелия от Матфея.

В своей работе *On Dispensing with Q* (1955) [4, р. 55-58] О. Фаррер приводит следующие аргументы против введения источника Q для решения синоптической проблемы.

1. Гипотеза об источнике Q была предложена, чтобы объяснить, где Матфей и Лука могли взять свой общий материал, если они не были знакомы с Евангелиями друг друга. Но если предположить, что Лука читал Матфея, то необходимость в Q отпадает.

2. Мы не встречаем у ранних христианских авторов каких-либо свидетельств о существовании Q .

3. Когда исследователи пытаются реконструировать Q из общих для Матфея и Луки элементов, то получившийся текст не выглядит как Евангелие. Хотя многие исследователи утверждают, что Q было «Евангелием речений» - собранием высказываний Иисуса без повествовательного содержания, все предложенные реконструкции Q содержат нарративы об Иоанне Крестителе, крещении Иисуса, искушении в пустыне и исцелении слуги центуриона. При этом они не содержат повествования о смерти и воскресении Иисуса. Между тем ранние христианские авторы уделяют особое внимание смерти и воскресению Иисуса. Сложно объяснить, почему это принципиально важное повествование было опущено в Q .

4. Некоторые сторонники Q пытаются преодолеть возникающие трудности, утверждая, что мы не можем знать точного состава Q . Однако те же самые трудности можно преодолеть и вовсе не прибегая к Q .

До публикации Евангелия от Фомы в пользу гипотезы Фаррера говорило и отсутствие какого-либо Q -подобного текста. Открытие Евангелия от Фомы внесло новый сюжет в разработку синоптической проблемы. Евангелие от Фомы рассматривается сторонниками двухисточниковой гипотезы как внешнее свидетельство существования Q , т.к. оно является примером Q -подобного документа, состоящего только из слов Иисуса. Однако противники двухисточниковой гипотезы выдвинули свои контраргументы по поводу значения Евангелия от Фомы для оценки двухисточниковой гипотезы.

- Факт существования Евангелия от Фомы ничего не дает для решения ключевого вопроса двухисточниковой гипотезы – являются ли Евангелия от Матфея и Луки независимыми друг от друга.

- Степень формального сходства между Q и Евангелием от Фомы не столь велика. В двухисточниковой гипотезе предполагается, что Q состоит из речей, зачастую длинных, в то время как Евангелие от Фомы представляет собой неупорядоченный набор высказываний, чаще всего довольно коротких.

- Существуют совпадения между содержанием Евангелия от Фомы и содержанием Q . Но эти совпадения не несут уникального характера. Существуют также совпадения между Евангелием от Фомы и другими синоптическими текстами.

- В отличие от Евангелия от Фомы, Q имеет очевидный нарративный порядок, основанный на развитии общественного служения Иисуса.

По поводу возможности использования Лукой Евангелия от Матфея Фаррер и его последователи приводят следующие аргументы.

1. Хотя генеалогии, приводимые Матфеем и Лукой (Матф. 1.1-17 [14, р. 1-2] / Лука 3.23-38 [Ibidem, р. 207]), серьезно различаются, это отличие не означает, что Лука не был знаком с Евангелием от Матфея. Нет никакой необходимости предполагать, что Лука всегда оставлял без каких-либо изменений тот материал, который он брал из имеющихся источников. Генеалогия Матфея, схематически разделенная на три периода по 14 поколений, начинающаяся с Авраама и вращающаяся вокруг Давида, вероятно, не соответствовала целям Луки, и он, дабы подчеркнуть универсальный характер миссии Иисуса, продолжил Его генеалогию до Адама (Лука 3:38) [Ibidem, р. 212].

2. Хотя в повествовании о Рождестве существуют серьезные различия между Евангелиями от Матфея и Луки, они также не свидетельствуют о том, что Лука не был знаком с Евангелием от Матфея. Знакомство с тем или иным источником не ведет к необходимости всегда его воспроизводить. Кроме того, в повествовании Луки можно найти ряд признаков того, что он был знаком с Евангелием от Матфея. Эти два Евангелиста согласно свидетельствуют о месте рождения, об Иосифе и, что наиболее важно, о Девственном Рождении. Вполне можно предположить, что Лука дополнил повествование Матфея.

¹ Источник Q — гипотетический сборник изречений Христа, который авторы Евангелий от Матфея и Луки независимо друг от друга использовали в качестве источника наряду с Евангелием от Марка.

3. Ошибочным является и утверждение, что Лука никогда не включал в свое Евангелие дополнения Матфея к тексту Марка в материале тройной традиции. Лука предпочитает вариант Матфея варианту Марка в нескольких местах, относящихся к тройной традиции. К этим местам относятся: описание искушения в пустыне, рассказ об исцелении бесноватого и о реакции фарисеев на это исцеление, притча о горчичном зерне.

4. Имеются совпадения в словах и композиции между Евангелиями от Матфея и Луки при несовпадении с параллельными местами у Марка – «большие совпадения», например в притче о горчичном зерне. Этот факт опровергает базовое утверждение двухисточниковой гипотезы о том, что тексты Матфея и Луки никогда не совпадают друг с другом в том случае, если они не совпадают с текстами Марка.

Сторонник двухисточниковой гипотезы Барнетт Хиллман Стритер (1874-1937) в свое время выдвинул ряд аргументов против утверждения об использовании Лукой Евангелия От Матфея [13]. Фаррер выдвинул против аргументов Стритера следующие контраргументы.

1. По мнению Стритера, Лука не мог опустить те тексты Матфея, которые он предположительно опустил, поскольку они весьма впечатляющи. Фаррер отвечает, что они были опущены, поскольку они не соответствовали общему замыслу Луки.

2. Лука иногда сохраняет более примитивные версии текста, чем Матфей. Фаррер отвечает, что не всегда возможно определить, какой текст более «примитивный». Например, версия «Блаженны нищие духом» соответствует теологии Матфея, но для Луки с его вниманием к беднякам будет естественным опустить «духом».

3. Лука, в отличие от Матфея, следует порядку Марка. Фаррер отвечает, что нет ничего невозможного в том, что Лука, следуя плану Марка, использует определенный материал Матфея, дополняя им материал Марка.

4. Лука использует материал менее удачно, чем Матфей. Фаррер отвечает, что даже если это так, то обязательно первая версия должна быть менее удачной, чем вторая.

5. Лука не использует тот же материал, что и Матфей в одних и тех же Марковых параграфах. В ответ Фаррер указывает на то, что Лука изымает их из Маркова контекста и затем использует по своему усмотрению. В главах 10-18 он перегруппирует слова Иисуса в соответствии со своими задачами, часто объединяя в пары речения, которые не были до этого в парах.

Наиболее существенным аргументом в полемике со Стритером является наличие у Матфея и Луки многих текстов, совпадающих между собой, но при этом имеющих небольшие отличия от Марка. Этот факт выглядит естественным, если Лука использовал Евангелия от Матфея и Марка, но его трудно объяснить, исходя из гипотезы о том, что Лука использовал Евангелие от Марка и *Q*. Стритер объединяет такие совпадения в шесть групп и выдвигает для каждой группы свою гипотезу. Однако, по мнению Фаррера, система гипотез Стритера выглядит искусственной и представляет собой попытку противостоять очевидным свидетельствам.

Гипотеза двух Евангелий (неогрисибахинская гипотеза). Гипотеза двух Евангелий была в её нынешней форме предложена Уильямом Фармером в 1964 г. Согласно этой гипотезе, Евангелие от Матфея было написано первым, когда христианство было ещё центрировано на Иерусалиме, чтобы сгладить неприязненные отношения между иудеями и христианами. После того как церковь распространилась за пределы Палестины, Лука написал Евангелие для язычников. Хотя ни Лука, ни его наставник Павел не были очевидцами земной жизни Иисуса, Петр сделал публичные подтверждения достоверности Евангелия от Луки. Эти речи Петра были включены в Евангелие от Марка, которое сразу же получило широкое распространение, о чем свидетельствует, в частности, Ириней Лионский. Уже после этого, с разрешения Павла, было опубликовано (то есть отдано переписчикам для размножения) Евангелие от Луки. Основные преимущества этой гипотезы перед двухисточниковой состоят в том, что она основана не только на внутренних свидетельствах, не требует привлечения гипотетических источников (таких как *Q*) и опирается на историю ранней церкви. В отличие от двухисточниковой гипотезы она сохраняет традиционное авторство и традиционный порядок Евангелий. Большая часть свидетельств в пользу гипотезы двух Евангелий содержится в самих Евангелиях («внутренние свидетельства»), но некоторые свидетельства могут быть найдены в сочинениях ранних церковных авторов («внешние свидетельства»). Приведем сначала основные аргументы, основанные на внутренних свидетельствах [3, р. 199-232]. Сходство между синоптическими Евангелиями столь велико, что оно позволяет предполагать их прямую зависимость друг от друга. Согласно бритве Оккама, если можно объяснить возникновение текста без привлечения дополнительных гипотетических источников, то следует предпочесть именно это объяснение. Таким образом, если согласие двух Евангелистов против одного можно объяснить тем, что одно из Евангелий было известно авторам двух других, то именно это объяснение следует предпочесть. Случаи совпадения или несовпадения в композиции и содержании материала в синоптических Евангелиях, которые образуют категорию литературных феноменов, проще всего объяснить, если предположить, что Евангелия от Матфея и Луки предшествовали Евангелию от Марка. Наиболее естественным объяснением обширных совпадений между Евангелиями от Матфея и Луки является то, согласно которому автор одного из них использовал текст другого. Гипотеза о том, что Лука пользовался текстом Матфея, согласуется с прологом Евангелия от Луки. «Малые совпадения» (между Матфеем и Лукой при несовпадении с Марком) образуют вторую категорию литературных феноменов, которые легче объяснить с помощью гипотезы двух Евангелий. Перейдем теперь к внешним свидетельствам. Ранняя церковь свидетельствует не только о том, кем, когда и в каком порядке были написаны Евангелия, но и о том, при каких обстоятельствах создавалось каждое из них. В отличие от двухисточниковой гипотезы, построенной только на внутренних свидетельствах, гипотеза двух Евангелий опирается и на свидетельства ранних христианских документов. Существует внешнее свидетельство, приводимое Августином, о том, что Евангелие от Матфея было написано первым из Евангелий.

Существует и внешнее свидетельство Климента Александрийского о том, что Евангелие от Марка было написано последним из синоптических Евангелий. Сторонники двухисточниковой гипотезы сразу же отвергают их как недостоверные, но сторонники гипотезы двух Евангелий считают их заслуживающими доверия.

Более ранней формой гипотезы двух Евангелий является гипотеза Грисбах. Немецкий библиист Иоганн Якоб Грисбах (1745-1812) в ходе своих исследований пришел к выводу, что первым было написано Евангелие от Матфея. Лука при написании своего Евангелия использовал как текст Матфея, так и другой материал. Затем Марк написал Евангелие, используя тексты Матфея и Луки. Свою аргументацию Грисбах основывал на «малых совпадениях». В частности, принимается во внимание совпадение между Матфеем (26:68 [17, р. 102]) и Лукой (22:64 [Ibidem, р. 299]) в повествовании о Тайной Вечере, при несовпадении с Марком (14:65 [Ibidem, р. 182]). Следует отметить, что приоритет Матфея в середине 18 столетия признавало большинство библиистов.

Рассмотрим концепцию Фармера более подробно. Евангелие от Матфея было написано апостолом Матфеем около 40 г. В это время церковь ещё не вышла за пределы Иерусалима. Важнейшей внешней проблемой для христианской общины была неприкрытая враждебность иудейских религиозных деятелей по отношению к Иисусу и его последователям. Матфей написал свое Евангелие, чтобы показать, что в Иисусе действительно исполнились пророчества еврейского Писания. Уже давно было подмечено, что Евангелие от Матфея является самым «иудейским» среди всех Евангелий. В нем, в частности, содержится множество ссылок на Ветхий Завет и на еврейскую историю. После мученической смерти Стефана, описанной в Деяниях, ученики рассеялись из Иерусалима в языческие (по преимуществу – греческие) города. Они начали проповедовать в них и обратили большое количество язычников (в частности, в Антиохии) в христианство. В середине 50-х гг. Павел, ставший «Апостолом для язычников», осознал необходимость в Евангелии, написанном специально для язычников. Павел дал соответствующее поручение своему спутнику Луке, который использовал Евангелие от Матфея и другие источники. Лука придал повествованию Матфея более универсалистский характер. Однако когда Евангелие было написано, Павел отложил его публикацию. Он решил, что необходимо публичное свидетельство Петра, подтверждающее его точность, поскольку ни Павел, ни Лука не видели Иисуса до его смерти. Павел обратился с такой просьбой к Петру, лидеру христианской общины. Согласно ранним христианским источникам, Петр выступил с серией проповедей перед старшими офицерами римской армии. Эти проповеди стали известны Луке через Марка и послужили «заверяющей печатью» для Евангелия от Луки. Согласно церковным источникам, Петр колебался, когда Марк обратился к нему с просьбой о публикации его проповедей. Однако поскольку римским офицерам понравились эти проповеди, они стали просить копии их записей у Марка, и Марк сделал 50 таких копий. Только после того как записи проповедей Петра получили распространение, Павел стал чувствовать себя достаточно уверенно для того, чтобы опубликовать Евангелие от Луки. Гипотеза двух Евангелий предполагает, что Петр был уверен, что его проповеди согласуются с Евангелием от Матфея, и с ещё не опубликованным Евангелием от Луки. Поскольку Евангелие от Матфея (единственное опубликованное на тот момент) было основным источником для Луки, и оно было лучше известно Петру, то в своих проповедях он в основном его и использовал. Поэтому находим у Марка и Матфея больше общих деталей, чем у Матфея и Луки. В то же время примерно 25% текста Евангелия от Матфея и 25% текста Евангелия от Луки совпадают между собой, но при этом не совпадают с Евангелием от Марка. В рамках двухисточниковой гипотезы данный факт объясняется тем, что этот материал взят Матфеем и Лукой из гипотетического источника Q. Согласно гипотезе двух Евангелий, этот материал был скопирован Лукой у Матфея, но не был подтвержден Марком, поскольку Петр лично не видел описанных в нем событий. Двухисточниковая гипотеза предполагает, что информация, уникальная для Матфея («М») и Луки («L»), была взята ими из неизвестных нам источников. Согласно гипотезе двух Евангелий, «М» представляет собой личные воспоминания Матфея, в то время как «L» – это свидетельства очевидцев, упомянутые в первых стихах Евангелия от Луки. Это объясняет также, почему Евангелие от Марка более короткое, более эмоциональное и менее «отделанное», чем два других синоптических Евангелия. Марк начинает свое Евангелие сразу с общественного служения Иисуса, поскольку имел намерение рассказать только о том, что сам видел, и не ставил своей целью написать полное Евангелие. Это было известно первым церковным историкам, и в ранней церкви оно воспринималось как менее важное, чем Евангелия от Матфея, Марка и Иоанна. Поэтому до сравнительно позднего периода было написано меньше комментариев на Евангелие от Марка, чем на другие Евангелия.

Против гипотезы двух Евангелий был выдвинут ряд существенных возражений.

- Если Лука имел доступ к окончательной версии Евангелия от Матфея, почему имеется так много существенных расхождений между этими двумя Евангелиями относительно генеалогии Иисуса, обстоятельств рождения и событий, последовавших за воскресением? Почему большая часть текста, имеющегося у Луки и Матфея, но отсутствующего у Марка, посвящена наставлениям Иисуса и притчам? Если Евангелия создавались в соответствии с рассматриваемой гипотезой, то оказывается, что Лука зачем-то внес изменения в повествования Матфея о событиях, которые Матфей видел своими глазами, при том, что сам Лука их очевидцем не был.

- «Аргумент от пропусков»: почему Марк и Петр опустили столь примечательные и чудесные события как девственное рождение Иисуса и, в особенности, его явление апостолам после воскресения? И Матфей, и Лука явным образом сообщают, что Иисус явился одиннадцати ученикам, включая Петра, после своего воскресения, и выглядит невероятно, что Петр не засвидетельствовал этот факт в своих публичных проповедях. Так же сложно объяснить, почему Марк полностью опустил Нагорную проповедь.

- Согласно гипотезе двух Евангелий, первоначальный текст Евангелия от Матфея был написан на еврейском языке. Между тем не существует ни одной копии Евангелия от Матфея на каком-либо другом языке, кроме греческого. Получается, что сторонники этой гипотезы исключили один гипотетический источник – Q, но ввели другой – еврейский оригинал Евангелия от Матфея.

- Многие современные исследователи полагают, что концепция девственного рождения возникла в христианстве из-за неправильного перевода слова *almah* в пророчестве Исаи на греческий (Матф. 1:23) [Ibidem, p. 3], и, следовательно, авторы Евангелий от Матфея и Луки были язычниками. Этот взгляд соответствует двухисточниковой гипотезе, согласно которой Евангелие от Матфея было написано не ранее 75 г. неизвестным автором. Однако он противоречит гипотезе двух Евангелий, которая утверждает, что это Евангелие было написано самим апостолом Матфеем, который должен был достаточно хорошо знать иврит. Кроме того, все аргументы в пользу приоритета Марка и существования Q работают против гипотезы двух Евангелий.

Еще одним конкурентом двухисточниковой гипотезы является так называемая **«гипотеза Иерусалимской школы»**. Иерусалимская школа синоптических исследований представляет собой группу израильских ученых, объединившихся для исследования синоптических Евангелий. «Гипотеза иерусалимской школы» является условным наименованием для позднего варианта гипотезы Линдсея (см. ниже), а также для методологии этой школы в целом. Исследовательская программа Иерусалимской школы основана на «трех столпах»: еврейский язык, еврейская культура и отношения между синоптическими Евангелиями. Библисты этой школы подчеркивают большое значение арамейского и, особенно, иврита для понимания Евангельского послания и решения синоптической проблемы. Они полагают, что иврит был разговорным языком во времена Иисуса, и что для самого Иисуса иврит был родным языком. Для подтверждения своей гипотезы используют письма Бар Кохбы и другие документы из района мертвого моря. Эти исследователи полагают, что греческие тексты имеют ивритскую основу и должны быть рассмотрены в контексте еврейской языковой и культурной ситуации того времени. В этом вопросе они выступают продолжателями исследований М. Х. Сегала [12, p. 647-737] и Абы Бен Давида [1]. Еще в 1908 г. Сегал высказал предположение, что именно иврит (в том его варианте, на котором была написана Мишна), а не арамейский был основным разговорным и письменным языком в Палестине во времена Иисуса.

Один из основателей Иерусалимской школы синоптических исследований Роберт Л. Линдсей (1917-1995) разработал свое решение синоптической проблемы, основанное на приоритете Луки. Аналогичная концепция была предложена за 40 лет до этого Уильямом Локтоном. В соответствии с выдвинутой Локтоном в 1922 г. гипотезой, Евангелие от Луки было написано первым. Марк пользовался им, а Матфей пользовался Евангелиями от Марка и Луки. Линдсей пришел к аналогичным выводам независимо от Локтона. С целью замены устаревшего перевода Нового Завета на иврит Франца Делича он начал переводить Евангелие от Марка как наиболее раннее. Хотя текст Марка содержит много семитизмов, он содержит и такие несемитические обороты как «и тотчас», которые отсутствуют в параллельных местах у Луки, и вообще, у Луки больше семитизмов, чем у Марка. Это привело Линдсея к предположению, что Марк копировал Луку, а не наоборот. В результате дальнейших исследований Линдсей построил свою теорию [7, p. 239-263]. Он предположил, что первые записи слов Иисуса и описания Евангельских событий были сделаны на иврите. Затем они были переведены на греческий и образовали: 1) источник, именуемый протонарратив, и 2) собрание изречений Q. Протонарратив, или протомарково Евангелие ('Ur Markus'), представляет собой буквальный перевод ивритского оригинала. Лука был знаком и с протонарративом, и с Q. Текст Луки ближе всего к протонарративу. Марк был знаком с протонарративом и с Евангелием от Луки, а также с другими документами. Матфей был знаком с протонарративом и с Евангелием от Марка, но не был знаком с текстом Луки. Благодаря знакомству с протонарративом у него есть совпадения с Лукой против Марка («малые совпадения»). В то время как Лука и Матфей воспроизводили протонарратив дословно, Марк перефразировал его.

Десять лет спустя Линдсей предложил новый вариант своей гипотезы, который и именуется обычно гипотезой Иерусалимской школы [Ibidem]. Гипотеза Иерусалимской школы постулирует существование четырех гипотетических неканонических документов. Двух документов, которые были неизвестны синоптикам: ивритоязычной биографии Иисуса и буквального греческого перевода этой биографии. Двух документов, известных синоптикам: т.н. «антологии Иисуса» - собрание выдержек из дословного греческого перевода ивритской биографии Иисуса и греческой биографии Иисуса, написанной на основе ивритского текста и его буквального перевода. Согласно этой гипотезе, написанное первым Евангелие от Луки послужило источником для Марка, в свою очередь послужившего источником для Матфея, который не был знаком с Евангелием от Луки. Согласно Линдсею, Матфей, Лука и, возможно, Марк были знакомы с «антологией». Только Лука был знаком со вторым источником – греческой биографией, которая воспроизводила композицию оригинального ивритского текста и его греческого перевода. Марк пользовался Евангелием от Луки и очень редко обращался к антологии (а возможно, и совсем к ней не обращался). Матфей пользовался Евангелием от Марка и антологией. Лука и Матфей не были знакомы с Евангелиями друг друга, но независимо друг от друга использовали антологию. Так же как и в двухисточниковой гипотезе, Евангелие от Марка служит средним звеном между Матфеем и Лукой. Концепция Линдсея была поддержана рядом израильских библистов, в том числе (по крайней мере, частично) профессором Еврейского университета в Иерусалиме Давидом Флэссером (1917–2000).

Теория устной передачи. Как известно, двухисточниковая теория предполагает существование потерянного документа Q. Теория устной передачи предлагает вместо гипотетического потерянного документа устную традицию. Еще до возникновения гипотезы об источнике Q, библисты 18 века предполагали существование

потерянного документа, а именно арамейского Евангелия Назореев. Й. Г. Гердер выступил против такого подхода. По его мнению, общим для Евангелистов источником являлось «общее Евангелие» устной традиции. Гердер отмечал, что при устной передаче мелкие детали могли модифицироваться или утрачиваться, в то время как более обширные выражения и речения сохранялись полностью. Это и объясняет, согласно Гердеру, тот факт, что Евангелия полностью совпадают в некоторых фразах, но не в каждом слове (Dunn J. *Christianity in the Making*. William B. Grand Rapids: Eerdmans Publishing Company, 2003. Vol. 1. *Jesus Remembered*. P. 193).

На протяжении 19-го и первой половины 20-го столетия библеисты концентрировались на анализе реальных и гипотетических письменных источников, и теория устной передачи пребывала в забвении. В 1950-х гг. Рудольф Бультман обратился к наблюдениям за фольклором, дабы доказать возможность общего устного источника Евангелий. Он отметил, что в фольклоре ядро и структура нарратива без искажений передаются в течение длительного времени. При этом устная традиция имеет определенные закономерности формирования, которые обуславливают сочетание устойчивости в процессе передачи и возможности обогащения новым материалом (Dunn J. *Christianity in the Making*. William B. Grand Rapids: Eerdmans Publishing Company, 2003. Vol. 1. *Jesus Remembered*. P. 194).

В то время как ряд исследователей продолжали идти по пути, намеченному Бультманом, новый шаг в развитии теории устной передачи был сделан Биргером Жерардсоном. Жерардсон перешел от критики формы и стиля к исследованию фактических способов передачи. Он начал рассматривать культурное окружение раннего христианства и обратил внимание на устные традиции в еврейских общинах первого века н.э. В этот период в раввинистических кругах было распространено заучивание поучений наставников. Система дословного запоминания была одним из учебных приемов в этих общинах, и учителя требовали от своих учеников в точности повторять наставления и притчи до тех пор, пока не станет понятен их смысл. Жерардсон утверждает, исторический Иисус принадлежал к этой культуре и мог требовать от своих учеников заучивать свои слова таким же образом. Благодаря этому устная передача была надежным средством сохранения и поддержания стабильности исходного послания. Более чем вероятно, что первоначально существовало именно устное Евангелие (Gerhardsson B. *Memory and Manuscript*. Copenhagen: Uppsala Press, 1961. P. 325).

После Жерардсона, Вернер Кельбер внес следующий существенный вклад в теорию устной передачи. Кельбер обратил внимание на близость между способами бытования письменных и устных источников в древности. В отличие от современных печатных текстов, которые читаются индивидуально, многие древние тексты предполагали устное прочтение в определенной группе. Таким образом, различие в структуре и передаче устных и письменных работ было значительно меньше чем сейчас. Устный нарратив, так же как и письменный, мог подвергаться определенному изменению и редактированию в процессе своей передачи на протяжении сравнительно небольшого времени (Kelber W. *The Oral-Scribal-Memorial Arts of Communication in Early Christianity*. Waco: Baylor University Press, 2008. P. 245).

Кеннет Бейли подошел к исследованию устной традиции с другой стороны. Он стал изучать современные устные традиции и выделил несколько категорий таких традиций – поговорки, истории об известных людях, стихотворения, загадки и т.д. Бейли отмечает, что существуют такие виды информации внутри каждой категории, отношение к возможности изменения которых существенно различается. Перехода к христианским общинам первого века, Бейли утверждает, что в них также были разные уровни контроля за стабильностью материала: по отношению к некоторой информации был гибкий подход, было допустимо внесение в неё небольших изменений, в то время как другая информация должна была оставаться полностью неизменной (Dunn J. *Christianity in the Making*. William B. Grand Rapids: Eerdmans Publishing Company, 2003. Vol. 1. *Jesus Remembered*. P. 205).

В своей работе Джеймс Д. Г. Данн рассматривает несколько стадий развития устной традиции. Первая стадия представляет собой обмен воспоминаниями между непосредственными очевидцами Евангельских событий. Люди, лично знавшие Иисуса, пересказывали его слова и рассказывали различные эпизоды из его жизни. В ходе этого обмена информация смешивалась и изменялась. По мнению Данна, традиция создается не отдельными личностями, а общиной в целом. Община стремится к унификации традиции и вырабатывает определенный консенсус, отбрасывая не укладывающиеся в него детали. В итоге этой стадии вырабатывается стандартная версия рассказов об Иисусе и его словах (Dunn J. *Christianity in the Making*. William B. Grand Rapids: Eerdmans Publishing Company, 2003. Vol. 1. *Jesus Remembered*. P. 239). В результате уже на самом раннем этапе образуется повествование, которое может существенно отличаться от реальных событий. Второй этап – устная передача уже сформированной традиции. Многие исследователи полагают, что в процессе пересказа историй рассказчики вносят в них изменения и добавляют новые детали. В результате образуются более ранние и более поздние пласты информации. Данн утверждает, что в отличие от письменных источников в устной традиции не образуется пластов. Рассказчики, забывшие мелкие детали, могут додумывать их в процессе пересказа, но этим все изменения и ограничиваются. Последняя стадия развития традиции – её письменная фиксация. Авторы Евангелий могли посещать церкви в разных городах и слышать там различные варианты традиции. Эти варианты обладали единым ядром и различались второстепенными деталями. В зависимости от важности той или иной информации различалась и степень гибкости при ее пересказе. В результате письменной фиксации происходило закрепление различных вариантов традиции. Можно предложить такую аналогию из области театра. Классическая пьеса имеет жесткое ядро: слова персонажей, которые воспроизводятся, как правило, без изменений во всех театрах. Имеется и вариативная часть: декорации, перемещения актеров по сцене и т.д., которая может различаться в разных постановках одной и той же пьесы.

Рассмотрим преимущества гипотезы устной традиции по сравнению с гипотезой об источнике *Q*. При этом будем исходить из приоритета Марка. Основная проблема для концепции приоритета Марка возникает в тех случаях, когда Лука и Матфей совпадают друг с другом в материале, которого нет у Марка, особенно, когда совпадение является почти дословным («малые совпадения»). Классический вариант двухисточниковой гипотезы прибегает для решения этой проблемы к предположению о существовании источника *Q*. Теория устной передачи предлагает в качестве источника малых совпадений вместо *Q* устную традицию. Как уже говорилось выше, устная традиция может быть весьма точной в передаче информации от одного поколения к другому и в то же время проявлять известную гибкость в деталях. Это объясняет, почему Матфей и Лука добавляли к материалу Марка одни и те же речения и другие фразы, но при этом расходились в небольших деталях. Например, Матфей и Лука приводят слова Иисуса о невозможности служить Богу и Маммоне, которого нет у Марка (Матф. 6:24 [14, р. 20] и Лука 16:13 [Ibidem, р. 271]). Эти фрагменты у Матфея и Луки совпадают почти полностью, но, всё же, не полностью. Лука добавляет в конце фрагмента свой особый материал (стихи 14-15) [Ibidem, р. 272], которого нет у Матфея. Этот факт часто упускается из виду сторонниками двухисточниковой гипотезы. Возникает вопрос, если оба Евангелиста пользовались одним и тем же письменным источником, то почему это добавление есть у Луки, но его нет у Матфея? Теория устной передачи дает следующий ответ. В то время как само речение представляет собой тщательно контролируруемую порцию информации, то её контекст – это более гибкая часть традиции. Матфей и Лука независимо друг от друга имели доступ устной традиции, в которой было это речение, отсутствующее у Марка. В тех вариантах этой традиции, с которыми были знакомы каждый из Евангелистов, было общее жесткое ядро и варьирующиеся детали. Оба варианта традиции сохранили дословно наиболее существенную часть истории, но при этом расходились в заключительных словах. Обнаружив, что у Марка это речение отсутствует, Матфей и Лука записали его на основе известных им вариантов устной традиции. Можно вновь обратиться к аналогии с пьесой. Предположим, в некотором издании «Гамлета» случайно пропущен монолог «Быть или не быть». Это издание читают два читателя, знакомых с пьесой. Оба без труда обнаружат пропуск и точно восстановят первые слова монолога. Однако, восстанавливая по памяти следующие слова, они могут допустить отступления от исходного текста, и в результате получатся два варианта монолога.

Некоторые из сторонников теории устной передачи, например, Эта Линнеман (1926-2009), пошли ещё дальше и заявили, что нет необходимости в признании какой-либо связи между тремя синоптическими авторами [11]. Каждый из них, независимо от двух остальных, использовал известный ему вариант устной традиции. Каждый из этих вариантов имел определенные совпадения и расхождения с другими вариантами. На данное утверждение можно возразить, что полностью независимое написание синоптических Евангелий маловероятно, учитывая высокий уровень контактов между отдельными христианскими общинами. Как только одно из Евангелий было написано, оно должно было стать известным в других общинах. Полностью независимая работа над синоптическими Евангелиями была возможна только в случае, если все три синоптических автора писали свои Евангелия одновременно.

Неоавгустинианская гипотеза. Первую гипотезу относительно последовательности написания синоптических Евангелий высказал Августин. В своем труде «De Consensu Evangelistarum» он утверждал, что Евангелия были написаны в том порядке, в каком они расположены в каноническом тексте Нового Завета. Согласно Августину, автор каждого из последующих Евангелий был знаком со всеми предшествующими Евангелиями. Марк сократил Евангелие от Матфея, а Лука добавил в него собственный материал. Эта точка зрения была господствующей в средневековой герменевтике, однако с возникновением историко-критического метода от неё практически полностью отказались.

Между тем в последнее время вновь возник интерес к августинианской гипотезе. Исходным пунктом её современных сторонников, таких как Джон Венхам, является утверждение, что написание Евангелий было ответом на различные нужды, возникавшие в процессе развития ранней церкви. В Иерусалимской церкви в самый ранний период её существования царил атмосфера спонтанности, в которой апостолы, непосредственные ученики Иисуса, и очевидцы обменивались свидетельствами. По мере распространения христианства возникла потребность в стабилизирующей письменной опоре. Для новичков-проповедников необходимо было дать стандартный материал. В новых церквях необходимо было обеспечить точность и единообразие в воспроизведении повествований о словах и делах Иисуса. В качестве подспорья при Евангелизации также был нужен письменный материал. Было вполне естественным то, что именно Матфей стал первым решать эту задачу. Как сборщик налогов он обладал грамотностью, как один из непосредственных учеников Иисуса он был очевидцем описываемых им событий. Кроме того, возможно, у него имелись сделанные еще во время земной жизни Иисуса записи. Начавшееся в Палестине в 42 г. при Ироде Агриппе I преследование христиан и их рассеяние также были мотивирующим фактором для создания текста о жизни Иисуса. В рассеянии было необходимо сохранять богословское единство, одной устной традиции для этого было недостаточно. Иерусалимская церковь была по преимуществу арамеоязычной, поэтому вполне вероятно, что первое Евангелие было написано на арамейском. Кроме святоотеческих свидетельств наличие средневековой ивритской версии Евангелия от Матфея «Евен Бохан» может рассматриваться как аргумент в пользу ивритского или арамейского языка оригинала. Возможно, эта версия - искаженный вариант оригинального текста.

Вслед за первым периодом в жизни церкви, характеризующемся преобладанием иврита и арамейского, наступает второй, когда, в языковом плане, христианская община ориентируется на греческий. Это связано с обращением в христианство большого числа язычников. Начало второй фазы характеризуется тремя

ключевыми событиями: переводом Евангелия от Матфея на греческий язык; созданием Евангелия от Марка в контексте проповеди Петра в Риме грекоязычным новообращенным; созданием Лукой Евангелия под руководством Павла. Свидетельства Климента, Ириней и других ранних христианских авторов говорят о том, что Марк создал своё Евангелие на основе проповедей Петра. Стронник неаугустинианской гипотезы Беранар Орхар отвергает утверждение, что поскольку Евангелие от Марка содержит меньше информации, то оно было написано первым [10]. Петр мог не рассказывать о таких событиях как рождение или воскресение Иисуса, поскольку не был сам непосредственным очевидцем этих событий. По поводу того, использовал ли Петр в своих проповедях Евангелие от Матфея, сторонники неаугустинианской теории разошлись во мнениях. Б. С. Батлер поддерживает эту точку зрения, а Венхам объясняет сходную структуру Евангелий от Марка и Матфея тем, что непосредственно Марк использовал при написании своего текста, наряду со своими воспоминаниями о проповедях Петра, Евангелие от Матфея [16].

Исходя из связи между Евангелием от Луки и Павлом, о которой свидетельствует традиция, можно сделать вывод о том, что Лука был с Павлом во время его заключения в Риме, и, таким образом, Евангелие от Луки было написано не позднее 70 г., еще до разрушения Иерусалима. Пролог Евангелия от Луки говорит о том, что его автор использовал различные источники. По мнению Венхама, обилие имевшегося материала в сочетании с ограниченной длиной использовавшегося свитка стали причиной того, что Лука опустил значительную часть материала, который имеется у Марка и Матфея.

Необычный взгляд на датировку Евангелий предложил другой сторонник аугустинианской теории Джон Робинсон. По его мнению, нет достаточно веских аргументов в пользу того, что Евангелия отражают разрушение Иерусалимского Храма. По датировке Робинсона, Евангелие от Матфея было написано между 40-м и 60-м гг.; Евангелие от Марка - между 45-м и 60 гг.; Евангелие от Луки - между 57-м и 60-м гг. и Евангелие от Иоанна – между 40-м и 65 гг.

Ещё один вариант аугустинианской гипотезы предложила Эта Линнеман. По ее мнению, необходимость в написании двух Евангелий - от Матфея и от Марка - обусловлена записанным в 19 главе Второзакония требованием Моисеева закона, согласно которому всякое утверждение принимается при наличии как минимум двух свидетелей. Евангелие от Луки было написано уже на основе этих двух Евангелий.

Гипотеза последовательной публикации. Согласно гипотезе Варда Пауэрса, приоритет принадлежит Матфею, а не Марку. Евангелие от Матфея публиковалось последовательно, и отдельные его секции использовались Лукой [15]. После того как оба Евангелия были полностью опубликованы, они вместе с проповедью Петра стали тремя источниками для Марка, который составил свое Евангелие специально для нужд проповедников и миссионеров.

Наиболее радикальный разрыв с «классическими» подходами к решению синоптической проблемы продемонстрирован в «**гипотезе перевода логий**», выдвинутой в 1982 г. Уилсоном. Согласно этой гипотезе, все Евангелия не зависят друг от друга. Они созданы на основе одного источника – греческого перевода армейских текстов.

Гипотеза Паркера. В 1953 г. Пирсон Паркер выдвинул гипотезу, согласно которой первым было написано ивритоязычное протоевангелие Матфея [11]. В 2009 г. Джеймс Р. Эдвардс предположил, что иудеохристианские Евангелия 4 в., цитируемые Иеронимом и другими авторами, сохранили материал из протоевангелия Матфея. В целом же, это протоевангелие, целиком не сохранившееся, соответствует «материалу L» (то есть материалу, встречающемуся только у Луки) [2].

Гипотеза трех источников – ещё один кандидат на решение синоптической проблемы. Он сочетает отдельные моменты двухисточниковой гипотезы и гипотезы Фаррера. Согласно этой гипотезе, авторы Евангелия от Матфея и Евангелия от Луки использовали Евангелие от Марка и собрание речений как основные источники, но автор Евангелия от Луки использовал также Евангелие от Матфея как дополнительный источник. Название гипотезы указывает на собрание речений, Евангелие от Марка и Евангелие от Матфея. Собрание речений может быть отождествлено с Q, кроме того, материал (прежде всего нарративный), обычно относимый к Q, может быть рассмотрен как заимствованный Лукой у Матфея. Первыми эту гипотезу выдвинули во второй половине 19-го века Эдвард Симонс и Генрих Хольцман. К числу современных сторонников этой гипотезы относятся Роберт Моргенталер [9] и Роберт Х. Гундри [5].

Таким образом, в имеющихся гипотезах задействованы все возможные варианты решения вопроса о приоритете. Двухисточниковая гипотеза и гипотеза Фаррера утверждают приоритет Марка. Неаугустинианская и неогрисибахианская – приоритет Матфея. Гипотеза Иерусалимской школы – приоритет Луки. Можно видеть, что каждая гипотеза имеет свою «изюминку». Гипотеза Иерусалимской школы – рассмотрение Евангелий в арамейском и ивритском контексте. Гипотеза Фаррера – сохранение привычного приоритета Марка при отсутствии Q. Гипотеза двух Евангелий – опору на внешние свидетельства, на ранних христианских авторов. Так или иначе, синоптическая проблема еще далека от своего решения.

Список литературы

1. **BenDavid A.** Biblical Hebrew and Mishnaic Hebrew. Tel Aviv: Dvir, 1967. 942 p.
2. **Edwards J. R.** The Hebrew Gospel & the Development of the Synoptic Tradition. Wm. B. Eerdmans Publishing, 2009. 376 p.
3. **Farmer W. R.** The Gospel of Jesus: The Pastoral Relevance of the Synoptic Problem. Louisville: Westminster, 1994. 240 p.
4. **Farrer A. M.** On Dispensing with Q // Studies in the Gospels: Essays in Memory of R. H. Lightfoot. Oxford: Blackwell, 1955. P. 55-58.

5. **Gundry R. H.** Matthew: A Commentary on His Literary and Theological Art. Michigan: Eerdmans, 1982. 690 p.
6. **Lindsey R. L.** A Hebrew Translation of the Gospel of Mark: A Greek-Hebrew Diglot with English Introduction. Jerusalem: Dugith Publishers, 1973. 159 p.
7. **Lindsey R. L.** A Modified Two-Document Theory of the Synoptic Dependence and Interdependence // *Novum Testamentum*. 1963. Vol. 6. P. 239-263.
8. **Linnemann E.** Gibt es ein synoptisches Problem? Nürnberg: Verl. für Theologie und Religionswiss, 1999. 191 S.
9. **Morgenthaler R.** Statistik des Neutestamentlichen Wortschatzes. Zürich: Gotthelf, 1982. 187 S.
10. **Orchard B., Riley H.** The Order of the Synoptics: Why Three Synoptic Gospels? Macon: Mercer University Press, 1987. 294 p.
11. **Parker P.** The Gospel before Mark. Chicago: University of Chicago Press, 1953. 266 p.
12. **Segal M. H.** Mishnaic Hebrew and its Relation to Biblical Hebrew and to Aramaic // *Jewish Quarterly Review*. 1908. Vol. 20. P. 647-737.
13. **Streeter B. H.** The Four Gospels: A Study of Origins. London: Macmillan, 1924. 624 p.
14. **The Greek New Testament.** Fourth Revised Edition / Editors B. Aland, K. Aland, J. Karavidopoulos, C. M. Martini, and B. M. Metzger. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1994. 979 p.
15. **Ward Powers B.** The Progressive Publication of Matthew. Nashville: B&H Publishing Group, 2010. 624 p.
16. **Wenham J.** Redating Matthew, Mark, and Luke. London: Hodder and Stoughton, 1991. 319 p.

COMPETITORS OF TWO-SOURCE HYPOTHESIS IN MODERN TEXTUAL CRITICISM OF NEW TESTAMENT

Arapov Aleksandr Vladilenovich, Doctor in Philosophy
Financial University under Government of the Russian Federation
 arpv@mail.ru

The author discusses the various hypotheses suggested for the solution to the synoptic problem. For a long time the dominant solution to this problem was a two-source hypothesis. Today, many researchers believe that a two-source hypothesis should be rejected, and suggest various alternative hypotheses. Farrer hypothesis asserts the priority of Mark. Augustinian hypothesis and two-gospel hypothesis assert the priority of Matthew. Jerusalem school hypothesis asserts the priority of Luke. The author mentions that as for the synoptic problem there is no consensus.

Key words and phrases: textual criticism of New Testament; synoptic problem; two-source hypothesis; Farrer hypothesis; Augustinian hypothesis; two-gospel hypothesis; Jerusalem school hypothesis; Eta Linnemann.

УДК 811.161.1

Филологические науки

В статье определяются особенности восприятия современным читателем основных понятий русской православной культуры - лингвокультурем «Бог», «душа», «грех» путем проведения ассоциативного эксперимента, который имеет своей целью формирование ассоциативного поля слова-стимула, представляющего собой материал для семантической интерпретации. Основное внимание автор акцентирует на семантических компонентах ментальных моделей лингвокультурем-понятий.

Ключевые слова и фразы: верификация; направленный ассоциативный эксперимент; информант; ментальная модель лингвокультуремы-понятия; семантический компонент.

Багманова Лилия Ниязовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
 liliabagmanova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СОВРЕМЕННЫМ ЧИТАТЕЛЕМ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ-ПОНЯТИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ[©]

Изучение лингвокультурологически значимой лексики в динамике ее развития предполагает проведение ассоциативных экспериментов. Верификация - это проверка полученных данных путем обращения к носителям языка. Верификация - не обязательный, но желательный этап когнитивного исследования, поскольку многие результаты, получаемые традиционными лингвистическими методами, нуждаются в проверке на соответствие современному состоянию сознания носителей языка.

Ю. Н. Караулов полагает, что для определения черт национального характера и менталитета целесообразно проведение психолингвистических экспериментов. Особенности менталитета и национального характера носителей языков запечатлены, по его мнению, в ассоциативно-вербальных сетях [3, с. 191].

Ассоциативные эксперименты позволяют выявить ядерные и периферийные зоны или компоненты языкового сознания человека. «Ядро языкового сознания носителей языка, - пишет Ю. Н. Караулов, - формируется из тех слов (идей, понятий, концептов) в ассоциативно-вербальной сети, которые имеют наибольшее число связей,